

Для скромного человека Алексей Чумаков слишком дерзок,
для откровенного – слишком робок

ЗВЕЗДНЫЙ ФРУКТ

ВОТ КАК ОБЫЧНО рассуждают журналисты, которым предлагают встретиться с начинающим артистом: он будет кроток, потому как пока не он нам нужен, а мы ему – в качестве дополнительной раскрутки. Поэтому к приезду в Магнитогорск финалиста проекта телеканала «Россия» «Народный артист» Алексея Чумакова местные журналисты отнеслась с прохладцей. Как оказалась, очень даже зря.

Он был заявлен как один из членов жюри фестиваля поиска народных талантов «Герои нашего времени». Началось все с того, что Алексей опоздал на пресс-конференцию на сорок минут. Знаете, почему? Прическу делал – мол, не могу в таком виде к журналистам показаться – это нам работники ДКМ имени С. Орджоникидзе рассказали. На пресс-конференции откровенно заигрывал с прессой – шутил, причем неуместно, постоянно призывал всех аплодировать выступлениям каждого участника – в общем, вел себя несolidно. А, говоря о роли прессы в жизни подобных фестивалей, да и вообще артистов, сказал: «Мы без вас – как. Причем «как» – это существительное». Ну что ж, это было приятно. Хотя, опять же, несolidно.

Однако меня он зацепил весьма откровенной тирадой о российском шоу-бизнесе. Отвечая на мой вопрос: «Зачем нужны подобные фестивали, когда российский шоу-бизнес, кажется, и без этого переполнен?», он весьма страстно парировал:

– А с чего вы взяли, что он переполнен? У нас доля людей, занятых в шоу-бизнесе из россиян, занимающихся непрофессиональной и неофициальной деятельностью, составляет всего десять процентов. А в Америке их 90 процентов – вот это можно считать перенасыщенностью. Другое дело, что шоу-бизнес в России сумбурен – с этим можно согласиться.

– От кого это зависит? – тут же подхватила журналистка.

– Это пять человек, фамилии я называть не буду, потому что вы их не знаете, да и не надо вам их знать. Но именно они решают, в конце концов, что вы будете слушать, а значит, покупать.

Продолжать тему не хотелось – лучше оставить для индивидуальной беседы, на которую Алексей охотно согласился. Встретились на следующий день на его концерте. Пел очень хорошо – чудный голос, профессиональное интонирование, одним словом – умница. Манера исполнения – что-то между Сосо Павлиашвили и Томом Джонсом. Репертуар... А вот тут сложнее – слишком интеллектуален для массового потребления, но и выскателный слушатель найдет, к чему придраться. Зато держался на сцене просто молодцом: пел вживую, отчего весь уполтел, танцевал, работал с залом, а в финале даже на барабанах «оттянулся».

После концерта, переодевшись, вышел ко мне с бокалом теплого сухого красного вина – весь день у Алексея была температура. И произвел не очень сильное впечатление: для скромного человека слишком дерзок, а для откровенного человека слишком робок в высказываниях – судите сами.

– Алексей, скажите, будучи участником «Народного артиста», вы наверняка отслеживали проект «Фабрика звезд»....

– (Не дослушав). Я не буду сравнивать, это два совершенно разных проекта.

– Я и не прошу, я сама вам скажу: «Народный артист» – это более сильные голоса, а «Фабрика звезд» – более профессиональное

шоу и мощные продюсеры, вот и все.

– В «Фабрике звезд» тоже много талантливых людей.

– Назовите: кто?

– Нет, потому что я общаюсь со всеми, не хочу никого обидеть. Подобные проекты – это всего лишь шанс для ребят выйти на сцену. Я ведь тоже мог попасть на «Фабрику», но пошел в «Народный артист» принципиально, потому что хотел работать с Евгением Фридрихом и Кимом Брейтбургом, которые возглавляли этот проект. И до сих пор работаю с ними – потому что у меня был шанс, и я им воспользовался.

– Ваша концертная программа зафанкована-заджазована, что называется.

– Джаза не было, а фанк действительно был – чуть-чуть. Но вы ведь видели, как меня люди приняли здесь – и так везде.

– В зале было не больше сотни зрителей! А у сцены танцевала малышня.

– Да, но этот проект некоммерческий, рекламы не было, поэтому многие, кто хотел бы попасть, не знали. Нужно приучать людей к хорошему вкусу – я не хочу петь дерьмо.

– Что вы вкладываете в это слово, какой жанр?

– Не буду называть, если позволите.

– Опять боитесь кого-то обидеть?

– Да. Я буду петь то, что хочу. Правда, таких артистов очень мало: в основном, все сегодня ангажированы.

– Теми самыми пятью повелителями шоу-бизнеса?

– Совершенно верно.

– Слушайте, а Пугачева поет то, что хочет?

– А вы думаете, что профессионалу такого уровня может быть приятно петь «За столиком в любимой кафешке»?

– В таком случае как вам, молодому артисту, удастся петь то, что вы хотите, если уж такие люди ломаются под стереотипы?

– Поэтому я и не на первых позициях среди известных людей.

– То есть вы отдаете себе отчет в том, что суперпопулярным вас не назовешь?

– Я же адекватный человек. Я достаточно зарабатываю, чтобы не переживать на этот счет, я достаточно обеспеченный человек и при этом делаю реальное творчество, а не дешевое ту-лу-лу-ла.

– Категоричное заявление для приятеля группы «Турбо-мода», выступавшей до вас.

– Я не слышал, кто выступал передо мной. И не знаю эту группу. С ребятами мы знакомы по другим каналам.

– Может, вы и группу «Руки вверх!» не знаете, которая создала этот проект?

– Знаю, Сергей Жуков очень уважаемый мною человек, хороший бизнесмен. Но никогда не будут актуальными Володя Пресняков, Леня Агутин, Сосо Павлиашвили, Валера Меладзе, Саша Маршал, с которым я дружу...

– Между прочим, Маршал перешел на шансон и очень этим доволен.

– Ну, спел одну песню – подумаешь.

А в остальном вы путаете шансон с блатняком. Марк Бернес – это тоже шансон, но это прекрасные песни.

– Давайте не будем закидывать друг друга терминами – я сужу как обыватель: если песни исполнителя крутятся на специфических радиостанциях, то и самого исполнителя я с полной уверенностью могу определить к этому жанру – так?

– Наверное, вы правы.

– Вас никогда не обвиняли в звездной болезни?

– Перечислите мне ее симптомы.

– Начнем с простого: постоянные опоздания.

– Это всего-навсего непунктуальность.

– Людское высокомерие – это что?

– Хамство и комплексы.

– А не это ли оборотная сторона звездной болезни?

– Нет, просто это так принято называть. И потом, сколько вы видели непунктуальных закомплексованных хамов, работающих, скажем, дворниками?

– Да, но на них никто не смотрит.

– Вот – с этого и надо начинать. Покрыв вас матом дворник – вы не обратили внимания. А стоит Киркорову слово сказать – так у него сразу звездная болезнь. А я утверждаю, что звездной болезни не существует – просто вы обращаете внимание на Филиппа Киркорова, но не обращаете внимания на Васю дворника. Между тем, у них одинаковое мироощущение.

– Не скажите: многие знали звезд еще детьми, так они утверждали, что те были милыми добрыми ребятами. Но потом все изменилось.

– А вы добейтесь того, чего добились они – возьмите на себя груз ответственности, популярности, несвободы – и мы с вами поговорим на этот счет.

– Так разве это не звездная болезнь?

– Нет. Это, возможно, в некоторой степени потеря каких-то качеств человеческих, а может, приобретение иных, которые вам невыгодны, но это не звездная болезнь.

– Хорошо, перейдем к вам лично. Перед вами группа на сцене доволствовалась водой «Бон аква», а вам вынесли «Виттель» – воду VIP-класса, бутылочка которой стоит в три раза дороже. Может, вы и этот комплекс мне расшифруете?

– А причем тут я? Я ее не просил.

– Может, в вашем райдере именно эта вода прописана?

– Нет.

– Знаете, я сомневаюсь, что организаторы по собственной инициативе станут покупать дорогущую воду, когда можно сэкономить, но поверю вам на слово. Вернемся к музыке: если вас хорошо принимают все залы страны, как вы говорите, почему еще так популярна дешевая попса, которую мы слышим в эфире радиостанций?

– А по радио звучат хорошие песни, в основном.

– Вы думаете? Тогда что вы называли дерьмом?

– Я не говорил о чем-то конкретном, я просто сказал, что не буду петь дерьмо.

– Но что-то же вы в это слово вкладывали!

– Есть то, что вы слушаете, а есть то, что вы переключаете, не слушая. Просто я не хочу петь то, что слушает большинство, – вот и все. Вот я считаю дерьмом группу «Рамштайн», к примеру, а у них фанатов столько, что я просто детский сад по сравнению с ними. Это же не значит, что они дерьмо – это я считаю их дерьмом. Музыка не бывает хорошей и плохой – она бывает разной, поэтому оценки ее очень субъективны.

– Вы так смело начали беседу и вдруг стали давать очень осторожные оценки...

– Просто я не перехожу на личности... Вот нас везде принимают хорошо, потому что мы не обманываем людей – работаем живьем и выходим на сцену каждый раз, как в последний. Как раскладывается публика: огромное количество людей – это переменившаяся публика, являющаяся собой возрастной ценз от 12 до 15 лет, которая вырастает и начинает слушать что-то еще. А есть публика, которая существенно меньше основной массы, но она стабильна, качественна, причем очень умна – это поклонники. Вот я могу сказать честно, что меня слушают умные люди – и дело не в том, что я такой: просто они чувствуют, что я их не обманываю.

– Лет через десять кем вы себя видите?

– Только тем, что я есть и сейчас – во всяком случае, в сфере деятельности.

– Я бы очень хотела встретиться с вами тогда и посмотреть, как изменятся ваши взгляды.

– Надеюсь встретиться с вами раньше.

И последний штрих: фотографировать ни с кем не стал. А проходя мимо меня, нарочито громко комментировал нашу беседу, выговаривая своему директору: «Вот интересно: а почему я должен пить всякую дрянь?»

Все-таки звездная болезнь существует – факт.

РИТА ДАВЛЕТШИНА.
ФОТО ЕВГЕНИЯ РУХМАЛЕВА.